

Комната была пуста, Фэн Бай пропал без следа.

Яркий светильник на потолке потускнел, моргая каждые тридцать секунд, и это сопровождалось всё более пронзительным детским плачем.

Казалось, еще секунда — и этот звук пробьет барьер измерений, превратившись в окровавленного, погибшего страшной смертью мстительного духа, который выберется из-под земли.

Это был самый наглядный звук из всех, что доводилось слышать Сы Жуну. Воображению почти не нужно было напрягаться: вот девочка прижимает к груди изысканную красивую куклу, устроившись на маминых коленях.

Ее худенькие пальчики были бледными, как простыня для покойников в морге, и они раз за разом расчесывали косички куклы, у которой были вырваны глазницы. Мама спрашивала ее, сколько ей лет и мальчик она или девочка.

Запрокинув голову, она слово в слово послушно отвечала.

Подобно кадру из фильма ужасов, эта картина плавно проплывала перед глазами — настолько уютная сцена, что в своей гармоничности она казалась странной и угнетающей.

Сы Жун судорожно втянул воздух, не смея даже вздохнуть полной грудью. Его каштановые кудряшки застыли в воздухе, а сжавшиеся в комок розовато-белые пальцы то и дело царапали подол просторной пижамы.

Он словно невзначай попал в такт ударам барабана из песенки: динь-дон, динь-дон.

В следующую секунду пальцы маленькой девочки на картине сомкнулись на шее куклы, ласково погладили ее пару раз, а затем внезапно сжались сильнее. Раздался четкий сухой хруст, и голова куклы, прокатившись по ее цветастому платью сначала до колен, упала на пол.

У нее не было ног! Она парила в воздухе!

У Сы Жунов едва не остановилось сердце.

Хотя раньше ему доводилось выполнять немало заданий, почти все они сводились к роли второстепенной пушечного мяса в обычных инстансах с разгадкой тайн — отбыл номер, и ладно. Откуда здесь взяться столь пугающим и жутко реалистичным картинам? Он нахмурился, сметая тонкими бровями, и под непосильной тяжестью страха отступил на несколько шагов назад.

Позади оказалась кровать. Холодный железный край коснулся гладких икр, Сы Жун от холода

вздрагнул, и его хрупкое, бледное тело свалилось на постель. Одеяло на ней было наполовину откинута, образуя вмятину, словно приглашая Сы Жуну.

Ухватившись за нее как за соломинку, Сы Жун в два счета сбросил тапочки, забрался под теплое одеяло и накрылся с головой мягкой простыней, пытаясь прогнать детскую песенку и удушающий образ куклы, которые крутились в его голове наотмашь.

За дверью внезапно раздался не то реальный, не то призрачный стук. Сы Жун зажал уши руками: призраки стучатся в двери только посреди ночи, и он даже не мог понять, действительно ли кто-то стучит наяву или это его галлюцинации.

Ибо о чем бы постороннем он ни пытался думать, парящая в воздухе девочка с тугими косичками неизменно проламывала ему череп, настойчиво и капризно вторгаясь в поле зрения.

Никаких ног, косички, глазницы вроде черных дыр — две картинки из воспоминаний Сы Жуну внезапно слились воедино: она и ее кукла выглядели абсолютно одинаково.

Сы Жун дрожал густыми темными ресницами, готовый расплакаться. Это было слишком страшно, в следующий раз он ни за что не выберет такой инстанс.

Детский смех из серебристого и нежного внезапно стал хриплым, и ее остекленелый взгляд пронзил плотное одеяло, словно острое лезвие.

Два мертвенно-бледных яблочка щек приподнялись в улыбке, две оцепенелые руки бесшумно поползли по маминой шее, и девочка состроила вызывающую гримасу, словно пришедший забрать чужую жизнь злой дух.

— Братик.

В ее голосе сквозило столько обиды, что невозможно было понять, чего в нем больше — надежды или проклятия. Едва она закончила говорить, как головы девочки и мамы, словно мячики, с глухим стуком покатались по полу.

Два жутких лица обратились к Сы Жуну, а из темных глазниц потекли две струйки темно-красных кровавых слез, размывая испуганные черты.

Сы Жун отчетливо видел, как голова девочки повернулась в его сторону, словно подавая какой-то древний знак. Ее зубы были сломаны, она не могла выговорить ни слова целиком, но беззвучно произнесла четыре иероглифа: братик Сы Жун.

— Я тебе вовсе не братик... — всем телом окоченев, сморщив носик, бессвязно пробормотал из-под одеяла Сы Жун.

Динь!

Телефон неожиданно издал звук, прозвучавший подобно гросу среди ясного неба.

От испуга он едва не умер на месте и в панику тыкнул в экран телефона. Там висело сообщение с неизвестным геоположением:

[Тебе нравится эта история?]

В его сознании невольно возникли три лежавшие рядышком на полу окровавленные головы, одна страшнее другой, и у него дыбом встали все волосы на теле.

Сы Жун открыл интерфейс сообщения: мало того что регион не отображался, так не было видно даже полного номера. Он смахнул экран назад и нажал кнопку вызова, но холодный бездушный женский голос сообщил ему, что вызываемый абонент является несуществующим номером.

Ему оставалось лишь обратиться за помощью к 0528: — Почему так происходит?

[Сы Жун, это касается секретного сюжета, у меня нет полномочий разглашать подобное. Но —]

Дверь внезапно распахнулась, взметнув резкий порыв ветра, и мигающий жутковатый свет в мгновение ока пришел в норму, снова осветив каждый холодный уголок.

Сы Жун целиком, так что и ветер не проберется, закопался в одеяло и вовсе не слышал звуков в комнате. Он все еще пребывал во власти страха после мистической песенки и тихо спросил Систему: — Но что?

Не успел он дожждаться ответа от 0528, как угол одеяла внезапно дернули, и внутрь повеяло злое, леденящим холодом. К счастью, Сы Жун лежал на боку, отвернувшись к серой стене и показывая незваному гостю лишь свою спину. Спина была самой крепкой частью его тела, поэтому даже если его станут избивать или резать, должно быть, не так уж сильно заболело бы.

Кто там? Человек или... призрак?

Лицо Сы Жуна выражало полнейшее замешательство, а в сердце будил дикий страх — ему совсем не улыбалось быть разобранным по кусочкам до кровавых дыр и превращенным в симпатичную мужскую мумию.

Система очень хотела закалить характер Сы Жуна и с трудом сдержалась, чтобы не подсказать.

— Угадай.

Сы Жун теперь и вовсе не смел повернуться. Он подогнул свои мягкие белые ножки, оперевшись ими в край кровати с другой стороны, и затаил дыхание.

Несколько послушных прядей волос падали на нахмуренные брови, бледное личико поражало изяществом черт. Видимо, ему снился кошмар, потому что порозовевшие губы невольно надулись, а мочки ушей покраснели неестественным румянцем.

Хотя Фэн Бай уже давно знал, что тот ужасно чувствителен, вечно жалеет себя при малейших трудностях или неудачах и даже может проплакать полдня, спрятавшись в туалете, ему почему-то никогда раньше не доводилось так пристально разглядывать это лицо.

Острый и белый подбородок, мягкие розовые щечки, изнеженный и утонченный — совсем не похожий на обычного парня.

Казалось, его будет... очень приятно потискать.

Он с детства привык жить дикарем, и это был первый раз, когда он встретил кого-то вроде Сы Жуна. Его взгляд, полный неопределенного смысла, скользнул по тонкой, хрупкой шейке Сы Жуна, и в голове всплыло подходящее словечко: неженка-дурачок.

В прохладном воздухе витал густой аромат. Это был запах не геля для душа, а нечто присущее самому человеку — уловимый сладковатый оттенок.

Кадык Фэнбая непроизвольно дернулся. Широкое тело, свойственное спортсмену, подалось вперед, и он согнулся в пояснице, выискивая источник запаха.

Полузадернутая занавеска на кровати слегка покачивалась от ветерка, то и дело касаясь прямой спины парня.

Подобно вздорной дикой собаке, он уткнулся носом в изгиб шеи и принялся беспорядочно тыкаться туда-сюда. Аромат мягких волос и кожи проникал прямо в ноздри, заставляя кровь в жилах мгновенно закипеть.

Почему от него так сладко пахнет? Фэн Бай замер на мгновение и ошеломленно посмотрел на маленького белого парня.

Кровавая бойня находилась всего в шаге от них, за дверью, но Фэн Бай совершенно не обращал на нее внимания.

Широкая ладонь уперлась в бок Сы Жуна. Шорты, которые тот натянул сразу после душа, оказались слишком велики в поясе и задрались высоко вверх. На внутренней стороне бедер не было ни единого лишнего волоска, а нежная белая мягкость сияла гладкостью бараньего жира.

Рука Фэнбая, заведенная за спину, непрерывно кровоточила. Капли падали на пол, расплываясь темными пятнами, словно он вовсе не ощущал боли от бесчисленных ранений. Спортсмены годами тренируются на улице, и загорелая до бронзового оттенка кожа — далеко не редкость. Кожа Фэн Бая среди товарищей по команде считалась светлой, но по сравнению с ослепительной белизной Сы Жун эта разница в тонах задела его уязвимые нервы.

Ресницы Сы Жун мягко слиплись, уголки глаз незаметно покраснели. Он из последних сил сдерживался, стараясь не шевелиться и не дрожать, лишь кончики его розоватых ушей едва заметно подрагивали.

С его ракурса было совершенно невозможно разглядеть, кто перед ним, к запахам других людей он был крайне нечувствителен, а здравый смысл и память никогда не были его сильными сторонами.

Сы Жун чувствовал лишь то, как жар, присущий сильному самцу, накрыл его с головой. Этот кто-то, словно привязчивый щенок, облизывал его — от подбородка до щек, и нежная белая кожа постепенно покрывалась легким румянцем.

Сы Жун ужасно щекотно, но он не смел шевельнуться. Сейчас его просто легонько облизывают, а вздумай он сопротивляться — того и гляди, разорвут на части и расчленят. Он не хотел умирать столь мучительной и неприглядной смертью, так что лучше уж послушно побыть лакомством для щенка.

Дыхание у него над ухом становилось все тяжелее, температура тела незнакомца стремительно росла. Сы Жун подозревал, что его обнимает настоящая печь — до того было горячо, казалось, он сам сейчас расплавится.

Фэн Бай и сам не понимал, что с ним творится: он действовал почти инстинктивно и при этом совершенно не мог — да и не хотел — останавливаться.

Плотные шторы частично загораживали свет, и на темных простынях хрупкое тело казалось ослепительно-белым. Во сне с него спало выражение угрюмой робости, и он, словно котенок, был до невозможности послушным и мягким.

При каждом выдохе пухлые губы чуть приоткрывались, оставляя потаенную щелочку, в которой смутно виднелся крошечный алый язычок — влажный, мягкий и горячий.

Фэн Бай на пару секунд замер, затем наклонился и поцеловал его в круглый лоб.

Совсем легко, боясь потревожить его сон.

Прошла целая вечность, прежде чем этот человек наконец поднялся и отстранился, а затем протянул руку, и тонкие пальцы с усилием...

У Сы Жун внезапно ослабла поясница, и все тело пронзила резкая ломота.

Как же сильно ему хотелось в туалет.

Больше никогда в жизни не наденет одни трусы, — мысленно пообещал себе Сы Жун, зажмурив глаза.

Тот человек молча разглядывал его несколько минут. Сы Жун чувствовал на себе его

обжигающий, бесстыдный взгляд — казалось, его раздели догола и осмотрели с ног до головы, до того это было пошло.

В таких условиях высокого напряжения Сы Жун по идее должен был сохранять нервное напряжение, но его биологические часы работали как часы, и сон был главным приоритетом в его жизни: стоило наступить определенному часу, как его клонило в сон, и он в полумраке терял сознание.

Только вот одну вещь он запомнил: когда тот человек уходил, кто-то вдалеке окликнул его по имени.

— Сяо Ци.

<http://bllate.org/book/20943/2123119>